Франсуаза
САГАН
ЧЕТЫРЕ
СТОРОНЫ СЕРДЦА
Неоконченный
роман
Впервые на русском!

Франсуаза Саган
Четыре стороны сердца
Серия «Большой роман»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63353273
Ф. Саган. Четыре стороны сердца: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Москва; 2020
ISBN 978-5-389-18958-4

Аннотация

«Четыре стороны сердца» – последний роман Франсуазы Саган, скончавшейся в 2004 году. Ее сын Дени Вестхофф обнаружил испещренный вставками и поправками машинописный экземпляр в архиве писательницы. Это роман, написанный в свободной, раскованной манере, с удивительным мастерством и вниманием к страстям человеческим. Присущие писательнице интеллект, чувство юмора и изящество стиля позволили ей передать драматические перипетии сюжета в такой живой и лаконичной манере, что читатель получает удовольствие, погружаясь в атмосферу этого незавершенного и тем самым будоражащего наше воображение повествования.

Сын богатого промышленника Людовик Крессон, оправившись от последствий автокатастрофы, с удивлением сознает, что домашние взирают на него с опаской, как на нервнобольного, а любимая жена Мари-Лор и вовсе презирает

его. Положение меняется, когда из Парижа прибывает красавица Фанни, мать Мари-Лор. Чтобы убедить всех в выздоровлении Людовика, Крессоны затевают пышный прием в своем поместье, а страсти тем временем накаляются.

Содержание

Предисловие 6
1 11
2 28
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Франсуаза Саган
Четыре стороны сердца

Francoise Sagan
Les quatre coins du coeur

© Plon, 2019
© И. Я. Волевич, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство Иностранка®

* * *

Предисловие

Многочисленные переиздания книг моей матери, с того момента, как я в 2007 году вступил в права наследства, подарили мне почетную привилегию составлять предисловия к ее текстам, которые я отдавал многочисленным доброжелательным издателям; это «Скорость», «Здравствуй, Нью-Йорк», «Хроники 1954–2003», потом была книга «Моя мать – Саган», а еще позже – повесть «Отрава», которая скоро выйдет отдельной книгой. Похоже, издатели нашли в моем лице легкую добычу – добычу, которая тем не менее радовалась возможности выполнить этот новый литературный долг, хотя могу добавить, что подобная работа – не важно, была ли она связана с творчеством моей матери или нет, – неизменно являлась для меня увлекательнейшим занятием.

Разумеется, все книги, которые я представлял читательской аудитории, были уже многократно изданы и переизданы, а следовательно, читаны-перечитаны и, вероятно, снабжены предисловиями; однако надеюсь, что этот последний оммаж не приведет к тяжким последствиям, а может быть, и вовсе останется незамеченным.

Итак, когда издательство «Plon» сочло нужным поручить мне написание предисловия к роману «Четыре стороны сердца», я уже не слишком удивился оказанному в оче-

редной раз доверию и только вечером, придя домой и слегка успокоившись, осознал весь объем задачи, которую взвалил на себя: она состояла в том, чтобы представить читающей публике ни больше ни меньше неизвестное произведение обожаемого автора – роман, чей выход в свет мог вызвать литературный циклон вкупе с медийным землетрясением.

Признаюсь честно: я даже не помню, каким образом эта рукопись попала ко мне. Кажется, это случилось через два или три года после того, как я вступил в права наследства, так что, когда я взял в руки папку с текстом, это показалось мне истинным чудом, ведь бóльшая часть достояния моей матери была давным-давно захвачена, продана, раздарена или приобретена весьма сомнительными путями.

Рукопись (довольно тонкая пачка листков) была засунута в прозрачный файлик – в таких студенты держат свои рефераты – и состояла из двух частей: первая с заглавием «Четыре стороны сердца», вторая начиналась словами: «Парижский поезд прибыл на вокзал Тура в 16:10…» – и называлась «Убитое сердце» (окончательного названия роман не имел, и сейчас, когда я пишу эти строки, я еще не знаю, которое из названий мы выберем).

Текст представлял собой ксерокопию машинописи, причем явно снятую с последнего экземпляра. Вычеркнутые слова с бледными, расплывчатыми буквами, примечания и исправления, неизвестно кем сделанные и хаотично разбросанные по страницам, и тут же множество других докумен-

тов и разных архивных справок, так что мне понадобилось некоторое время, прежде чем я понял, что имею дело с единым, цельным произведением.

Итак, в силу счастливого – а может быть, и несчастливого – стечения обстоятельств, я поначалу не очень внимательно отнесся к этой рукописи: мне даже в голову не приходило, что речь идет о неизданном романе. Кроме того, в бумагах, оставшихся после кончины матери, царил полный хаос, и все мои мысли были заняты исключительно решением запутанных наследственных, налоговых и издательских проблем – особенно последних. Вспоминая все это сегодня, я понимаю, что поначалу отнесся к этому тексту с непростительной небрежностью, хотя потом он, даром что незавершенный, поразил меня своей чисто сагановской стилистикой – иногда откровенным бесстыдством, иногда причудливой тональностью и почти фантастической окраской своих перипетий; наверно, я отнесся к нему слишком беззаботно, то есть не придал ему никакого значения, надолго оставив «Четыре стороны сердца» в ящике письменного стола. Открытый финал этого романа так смутил меня, что я счел рискованным показывать рукопись людям, которым не слишком доверял.

Несколькими месяцами раньше я уже имел случай убедиться, что большинство парижских издателей бесцеремонно отказываются от переиздания произведений Франсуазы Саган, и начал опасаться, что ее творчество бесследно канет

во мрак XX века. Но затем я познакомился с Жан-Марком Робертсом, человеком-провидцем, который позже стал моим ментором в вопросах издания, касавшихся ее литературного наследия. Он руководил издательством «Сток» и согласился издать разом бóльшую часть из пятнадцати книг моей матери, которые я ему принес однажды апрельским днем на улицу Флерю. Мало того что он стал моим издателем – я скоро начал советоваться с ним как с другом и поэтому именно ему тайком доверил, спустя несколько недель, чтение этого романа, чья форма, настолько несовершенная, все-таки не оставляла сомнений в возможности его публикации. «Четыре стороны сердца» когда-то, независимо от нас, послужили основой для первой экранизации (чем и объясняется тот факт, что с текста сняли несколько ксерокопий), хотя этот проект так и не был осуществлен. Вот почему роман претерпел множество изменений, а вернее, был почти полностью переписан – видимо, чтобы вдохновить какого-нибудь модного сценариста. Но было понятно, что «Четыре стороны света» нельзя публиковать в таком виде, – содержание романа не выдерживало никакой критики и грозило скомпрометировать творческий облик моей матери.

Сначала у нас с Жан-Марком возникла идея отдать роман на переработку какому-нибудь современному писателю, достойному этой задачи. Однако рукопись, в которой порой были опущены некоторые слова, а то и целые абзацы, выглядела настолько несовершенной, что мы очень скоро отказа-

лись от этого проекта.

Итак, текст по-прежнему пребывал в безвестности, что не помешало мне в течение последующих месяцев вчитываться в него с возрастающим вниманием. Интуиция подсказывала, что только я один могу переписать эту книгу, что этот роман непременно должен быть издан, каково бы ни было его состояние, ибо он представляет собой пусть и несовершенную, но все же важную часть творческого наследия моей матери. Я считал, что все, кто знал и любил Саган, имеют право познакомиться с ее творчеством в полном объеме. Итак, я взялся за работу и внес в текст необходимую правку, стараясь не нарушать стилистику и тональность романа. Чем дальше, тем больше я убеждался в тех качествах, которые отличали Франсуазу Саган, – в абсолютной раскованности, духе независимости, остром юморе и дерзости, доходящей до сарказма.

Через шестьдесят пять лет после выхода в свет романа «Здравствуй, грусть!» и десять лет беспокойного полусна этой последней, незаконченной книги, «Четыре стороны сердца» наконец увидели свет в своей почти оригинальной, почти нетронутой редакции, на радость читателям Саган.

Дени Вестхофф

1

Терраса Крессонады, с четырьмя платанами по углам и шестью светло-зелеными скамейками, выглядела вполне импозантно. Да и само здание, вероятно, некогда было прелестным старинным провинциальным особняком, который теперь уже не выглядел ни прелестным, ни даже старинным: дом, украшенный более поздними башенками, внешними лестницами и балконами с коваными перилами, соединял в себе два века дорогостоящей безвкусицы, опошлявшей солнце, деревья, серый гравий аллеи и газоны – словом, весь свой антураж. Крыльцо с тремя низкими серыми ступенями и перилами в средневековом стиле завершало этот парад уродства.

Тем не менее двух людей, сидевших на скамье против дома, каждый на своем крае, это, казалось, ничуть не коробило. Часто бывает легче созерцать уродство, чем красоту и гармонию, – эти требуют времени на анализ и восхищение. Во всяком случае, Людовик и его жена Мари-Лор, казалось, были вполне равнодушны к этой архитектурной какофонии. К тому же они вообще не смотрели на свое жилище, игнорируя его; они разглядывали свои туфли. И хотя их красивая обувь вполне заслуживала внимания, в людях, чей взгляд не ищет чье-нибудь лицо или какой-нибудь пейзаж, есть нечто болезненное.

– Тебе не холодно?

Мари-Лор обратила на мужа вопрошающий взгляд. Наделенная прелестным личиком с выразительными сиреневыми глазами, чуточку капризным ртом и очаровательным носиком, она покорила немало мужских сердец, перед тем как выйти замуж, причем довольно поспешно, за бодрого, пышущего здоровьем молодого человека по имени Людовик Крессон – отчасти плейбоя, отчасти лентяя, на которого ввиду его богатства и добродушного нрава охотились все девушки Шестнадцатого округа… Сразу было видно, что из Людовика Крессона, даром что безумно увлекавшегося женщинами, выйдет верный супруг. Увы, все его достоинства, за исключением денег, обернулись в глазах Мари-Лор почти недостатками. Сама она была не слишком образованна и привержена культуре, однако благодаря смеси начитанности в духе времени, обрывков знаний и необходимых табу приобрела полезный лоск и завоевала в своем кругу репутацию женщины острого ума, исключительно современной. Она хотела править своей судьбой – иными словами, судьбой окружающих; хотела, по ее собственному выражению, «жить своей жизнью». Но при этом не знала, что такое жизнь и чего ей хотелось – помимо роскоши. На самом деле она желала, чтобы ее баловали, и была твердо уверена, что сумеет блистать в свете и своими драгоценностями (весьма дорогими), и состоянием отца Людовика – Анри Крессона (прозванного в его родной

Турени[1] «пернатым хищником»).

* * *

Излишне объяснять – ибо это вполне ясно, – по какой причине старый завод и стены старого дома получили название Крессонада. Зато гораздо сложнее, да и скучнее, было бы объяснить, каким образом сами Крессоны нажили свое состояние на кресс-салате, горошке и прочей овощной мелочи, которую и доныне экспортировали по всему миру.

Этот неинтересный сюжет потребовал бы – по крайней мере, от автора – больше воображения, чем памяти.

– Ты не замерзла? Хочешь, возьми мой свитер?

Мужской голос, прозвучавший рядом с Мари-Лор, был от природы мягким и приятным, но прозвучал слишком вопросительно и чересчур заботливо для такого пустячного повода. Поэтому молодая женщина недоуменно заморгала и отвернулась, выразив этим нечто вроде легкого пренебрежения к свитеру своего супруга (на который мельком взглянула).

– О нет, спасибо, мне проще пойти домой. Да и тебе тоже – не хватало еще, чтобы ты сейчас вдобавок ко всему подхватил бронхит.

Она встала и спокойно направилась к дому; гравий дорож-

---

[1] *Турень* – историческая область Франции в долине р. Луары, столица – г. Тур. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

ки поскрипывал под ее модными туфельками. Даже здесь, за городом, даже в полном уединении Мари-Лор демонстрировала неизменную элегантность и *up-todate*[2], чего бы это ни стоило.

Муж проводил ее восхищенным… и вместе с тем чуточку враждебным взглядом.

* * *

Следует сказать, что Людовик Крессон только-только оправился после пребывания в нескольких лечебницах, куда его привело ДТП – настолько тяжелое, настолько опасное, что ни врачи, ни любящая жена не надеялись, что он выживет.

Подаренный мужем на день рождения маленький спортивный автомобиль, который вела Мари-Лор, врезался в затормозивший грузовик, и со стороны пассажирского сиденья был буквально располосован стальными листами, сложенными в кузове означенного грузовика. Голова Людовика осталась, с точки зрения эстетики, практически невредимой, Мари-Лор вышла из этой катастрофы без единой царапины, что на лице, что ниже, а вот тело Людовика оказалось рассеченным во многих местах. Он впал в кому, и врачи полагали, что через день, от силы через два он покинет сей бренный мир.

---

[2] Приверженность современным требованиям *(англ.)*.

Однако все части этого, от природы крепкого тела – легкие, плечи, шея, – отвечающие за внешнее и внутреннее здоровье своего простодушного владельца, оказались гораздо изворотливее и жизнеспособнее, чем можно было ожидать. И пока родные уже планировали похороны и выбирали музыку для этой скорбной церемонии, пока Мари-Лор уже готовила для себя вдовий наряд, в высшей степени элегантный (очень простой и дополненный пластырем на виске – совершенно ненужным), пока Анри Крессон, разъяренный этой нежданной помехой одному из своих планов, пинал ногами мебель и осыпал проклятиями служащих, пока его жена Сандра, мачеха Людовика, демонстрировала всегдашнее, угнетающее достоинство больной, прикованной к постели, – сам Людовик упорно боролся со смертью. И по прошествии недели, к всеобщему изумлению, вышел из комы.

Общеизвестно, что некоторые врачи куда больше доверяют своим диагнозам, чем пациентам. Людовик вызвал сильное раздражение самых знаменитых медицинских светил, по традиции собранных у постели сына Анри Крессоном из Парижа и прочих мест. Легкость, с которой раненый вернулся к жизни, оскорбила этих господ до такой степени, что им оставалось только одно – обнаружить что-нибудь очень опасное у него в мозгах. Этого – вкупе с его молчанием – хватило, чтобы поместить больного сперва под простое наблюдение, затем в более специализированную лечебницу – психиатрическую. Он демонстрировал затуманенное сознание, вы-

глядел неадекватным, а значит, считался душевнобольным, и его несокрушимое физическое здоровье только подкрепляло это убеждение.

Целых два года Людовика, по-прежнему безмолвного и пассивного, переводили из одной психиатрической клиники в другую и даже отправили в Америку на лайнере, буквально связанного по рукам и ногам. Родные каждый месяц летали навестить его, чтобы посмотреть, как он спит, или подбодрить «идиотской», по их выражению, улыбкой, перед тем как быстренько вернуться на родину. «Я не в силах переносить это зрелище!» – стонала Мари-Лор, сидя в такси и выдавливая из себя фальшивую слезу, поскольку никто из ее спутников даже не пытался пролить таковую.

Впрочем, с одним исключением – когда мать Мари-Лор, очаровательнейшая Фанни Кроули (которая незадолго до этого овдовела и искренне оплакивала своего супруга), также отправилась навестить зятя, хотя, вообще-то, никогда его особо не жаловала. Ковбойские замашки и прочный оптимизм Людовика раздражали многих, очень многих мало-мальски чувствительных женщин, притом что он нравился многим, очень многим другим женщинам – что называется, «с огоньком». Итак, Фанни навестила того, кого прозвала «ковбоем»: он полулежал в кресле, с привязанными к нему руками и ногами, ужасно исхудавший, но при этом ужасно помолодевший, и выглядел таким беспомощным, таким уяз-

вимым и абсолютно неспособным отказаться от всех психотропных препаратов, которые ему кололи в вену с утра до ночи, что Фанни Кроули не выдержала и заплакала. Она плакала так горько, что даже заинтриговала Анри Крессона и побудила его согласиться на серьезный приватный разговор с ней.

К счастью, именно тогда Анри Крессон случайно побеседовал с директором клиники – вероятно, самой дорогой во Франции и наверняка самой бесполезной. Этот высокопоставленный эскулап безапелляционно объявил Анри, что его сын никогда, никогда не поправится. Однако эта уверенность вызвала сомнения и ярость Анри Крессона, настолько же гениального в деловой сфере, насколько некомпетентного в сфере чувств (коих он не испытывал или, вернее, испытывал лишь в отношении своей первой жены, матери Людовика, умершей в родах). И вдруг он с испугом увидел, как эта красивая, элегантная моложавая дама, до сих пор не утешившаяся, как он знал, после смерти мужа, плачет над зятем, которого она не любила; ее слезы убедили его, что пора покончить с этой пыткой. Он вернулся к директору клиники и обошелся с ним так круто, что этот господин передумал – даже при своих сумасшедших ценах на лечение – удерживать у себя пациента, чья семья отнеслась к нему с таким презрением.

Месяц спустя Людовик вернулся в Крессонаду, где повел себя совершенно нормально после того, как выбросил все

пузырьки с лекарствами, один за другим, в мусорную корзину. Он выглядел приветливым, чуточку отстраненным, чуточку беспокойным – и много бегал. Именно так: он проводил большую часть дня, бегая в огромном парке, точно ребенок, которому вернули подвижность, иными словами – пытаясь хоть как-то вновь приобщиться к миру взрослых. Разумеется, не было и речи – впрочем, такой вопрос никогда не вставал и ранее – о том, чтобы он начал работать на заводе, принадлежавшем отцу, чьего богатства с лихвой хватило бы на всех, даже если бы Людовик не подыскал себе какое-нибудь скромное занятие, чтобы зарабатывать на жизнь в любом месте Европы (вариант, который Мари-Лор на самом деле давно мечтала осуществить – с мужем или без него).

Его возвращение стало для нее подлинной катастрофой. Она очаровательно выглядела в роли вдовы, но оказаться «женой дебила» – как она это охотно называла в беседах с близкими друзьями (теми, кто вел весьма свободную светскую жизнь) – совсем другое дело. И Мари-Лор начала ненавидеть этого молодого человека, которого доселе кое-как терпела и даже питала к нему что-то похожее на любовь.

Тем не менее душевные порывы, любовь и страсть Людовика очень скоро начали ее раздражать. Ибо Людовик страстно любил женщин и романтически любил любовь – быть может, единственное искусство, которое практиковал с подлинным мастерством и вниманием к предмету своих чувств. Пылкий и ласковый, он был поистине очарователен,

и все парижские жрицы любви (весьма многочисленные), знавшие его прежде, до сих пор нежно любили его.

* * *

Итак, Людовик быстро восстанавливался под наблюдением единственного врача – деревенского доктора, практиковавшего во владениях Анри Крессона. Этот врач, даром что не светило, сразу же после несчастного случая заявил, что его пациент, пусть и переломанный, израненный и беспомощный, тем не менее никакой не сумасшедший. И верно: никто не мог уловить в его поведении ни малейших признаков нервозности, функционального или психологического расстройства. Он просто не проявлял никакого внимания или интереса к будущему и, казалось, чего-то ждал – с некоторым страхом. Но чего именно? Или кого? Увы, никто из окружающих не задавался этим вопросом всерьез, ибо никто в этом доме не проявлял заботы ни о ком, кроме самого себя.

* * *

Дойдя до нелепого низкого крыльца, Мари-Лор устало положила руку на перила, но ей тут же пришлось почти вспрыгнуть на три ступеньки вверх, чтобы спастись от гравия, брызнувшего фонтаном из-под колес машины, которая с визгом

затормозила прямо у ее ног; она бы содрогнулась или завопила, не будь за рулем ее свекр. Анри Крессон решил, что его шофер стареет и пора ему самому научиться водить автомобиль, – подлинная катастрофа и для животных, и для знакомых водителя, когда те попадались ему по дороге.

– Господи боже, это вы, отец, а где же ваш шофер? – холодно спросила Мари-Лор.

– Аппендицит, – весело ответил Анри Крессон, выбираясь из машины, – приступ аппендицита… прописан отдых.

– По-моему, за нынешний год это уже четвертый…

– Да, но он этим очень доволен. Выплаты по страховке и так далее, плюс зарплата; этот тип наслаждается бездельем и ложится в постель, как только его прихватывает, – он ужасно боится «скорой помощи», страховщиков и еще бог знает чего.

– Это вам следовало бы бояться.

– Бояться? Чего? Проходите, дорогая невестка, проходите, прошу вас.

Она терпеть не могла, когда он величал ее «невесткой», а он не лишал себя этого удовольствия, невзирая на упреки своей половины, величественной Сандры, которой удалось выбраться на крыльцо, дабы любезно встретить супруга, тогда как обычно она сидела у себя в спальне.

У Сандры Крессон, урожденной Лебаль, была одна, главная забота в жизни – супружеский долг. Давняя соседка Ан-

ри Крессона, не уступавшая ему ни по количеству гектаров своих владений, ни по богатству, она вышла замуж за этого вдовца, которого считали скорбящим, просто из страха одиночества. Ей казалось, что она вступает в брак с промышленником, человеком мирного нрава, – увы, она столкнулась с бешеным быком, которого, на ее беду, ничуть не интересовала светская жизнь. И напрасно она надеялась принимать гостей в просторных залах Крессонады – чаще всего ей приходилось избегать молниеносных появлений и исчезновений своего супруга в его уродливой гостиной. И это после того, как другие обитательницы дома успели – еще до Сандры – утвердить здесь свое превосходство.

Оба брата Анри Крессона погибли на войне 1939–1940 года. («Вот придурки! – весело восклицал Анри. – Первая мировая хотя бы делала из людей героев, но эта!..») Их вдовы довольно скоро покинули дом, замученные властным деверем, хотя он щедро осыпал их деньгами, лишь бы оставили его в покое. Но перед этим они все же успели декорировать гостиные и еще несколько комнат, придав этому дому, и без того нелепому, невообразимое, катастрофическое уродство; и теперь никто уже не осмелился бы фотографировать гостиную Крессонады с ее марокканскими каминами – вклад одной из вдов, испанским стилем от второй и восклицательными знаками в виде мраморных статуй – идеей Сандры, страстно увлекавшейся греческим искусством.

Вклад Сандры в украшение дома выразился в том, что она

разыскала в деревне по соседству с Крессонадой скульптора, до той поры ваявшего подобия кладбищенских надгробных статуй, и самым решительным образом приобщила его к древнему искусству Греции и Рима, приказав скопировать, в разных габаритах, Венеру Милосскую и Нику Самофракийскую; эти шедевры она расставила в необъятной гостиной как вызов – или упрек. Будучи и сама куда ближе к каменным изваяниям, нежели к человеческим существам, Сандра Крессон – толстощекая, мускулистая и невозмутимая во всех жизненных перипетиях – вполне могла бы составить компанию своим статуям, от коих не отличалась ничем, кроме разве что наличия одежды.

– Гляди-ка, вот и моя жена, полный комплект баб! – рявкнул Анри, срывая с шеи позорящий его шарф.

– Не понимаю, что тут удивительного! – воскликнула Мари-Лор.

– Да не то удивительно, что вы здесь торчите, и одна и другая, – парировал Анри, – а то, что я еще жив – между двумя особами, такими… такими… как бы это сказать… такими живучими, да, именно так – живучими…

– А вы сами разве не такой?

Голос Мари-Лор, которому она хотела придать саркастический оттенок, прозвучал довольно пронзительно. И Анри, оставив позади обеих разъяренных женщин, быстрым шагом направился к уродливой гостиной, успев обойти саквояж, брошенный кем-то прямо посреди коридора, и пнуть его

прямо на ходу.

– Это еще что такое?

– Это мой брат, представьте себе, дорогой друг. Мой брат Филипп, он приехал к нам на несколько дней.

– Ну надо же, миляга Филипп у нас в гостях!

Многочисленные недостатки Анри Крессона, скорее, являлись отсутствующими достоинствами: он был не таким уж злым или скупым – просто никогда не старался казаться любезным или щедрым и притом выказывал полнейшее равнодушие к суждениям окружающих. На самом деле он был от природы довольно гостеприимным, и присутствие мужчины – настоящего мужчины, ибо родной сын казался ему теперь скорее ангелом или призраком, – хоть как-то утешало его.

– Наш дорогой старина Филипп… Давненько мы его не видели. Хотя… ну да, три недели назад… Надеюсь, он в добром здравии и не страдает от «любовных» напастей.

Он особо подчеркнул слово «любовные», зычно расхохотался и вошел в гостиную, оставив за спиной уязвленных женщин.

* * *

Анри женился на Сандре вскоре после кончины своей жены, которую – это было общеизвестно – очень любил, хотя никогда не признавался в этом; он так и не оправился от этой

потери. После свадьбы он целых две недели «оказывал внимание» Сандре, после чего слегка забыл о своем супружеском долге и удостаивал ее «вниманием» лишь эпизодически. Сандру, отличавшуюся слабым здоровьем, эта забывчивость вполне устраивала.

Разумеется, в этой туренской глуши не было недостатка в женщинах, которые с самого начала могли бы сообщить Сандре о похождениях ее благоверного. Тем не менее, невзирая на их множество и кипучую энергию, Анри Крессон ни разу не огорчил жену похвальбой или признанием в своих забавах на стороне. Он «наведывался в Париж», как тогда выражались, и возвращался взбодренным, но помалкивал, считая, что скрытность – наименьшее из зол по отношению к супруге, которую ничем не мог реально осчастливить.

Эти отлучки были также единственным, что связывало его с сыном. Людовик тоже «наведывался в Париж», правда лишь ради занятий в Высшей коммерческой школе – безрезультатных, но обязательных; его незнание женщин к восемнадцати годам объяснялось главным образом изоляцией и пребыванием в коллеже, куда его заперли вместе с другими несчастными провинциальными мальчишками. И это полное незнание определенной стороны жизни смутно беспокоило его отца. Тем более что через пару месяцев он получил кипу счетов из цветочного магазина, с самыми разными адресами, что привело его в ужас. Он вообразил, что Людовик

сдуру влюбился в какую-то парижскую девицу и сделал ей ребенка или еще что-нибудь в том же роде. Отец, в свою очередь, «наведался в Париж» и с изумлением констатировал, что эти цветы, эти букеты посылались самым разным проституткам, оказывавшим любовные милости его сыну. Утешенный, но не успокоенный – на сей раз интеллектуальными достижениями своего единственного чада, – Анри разъяснил ему, что так не делают. Потом, сидя за обедом, вдруг задумался: а почему, собственно, не делают, почему бы не посылать цветы женщинам, которые тебе отдаются, вместо того чтобы тратиться на букеты для юных девиц из почтенных семей, которые тебе в этом отказывают?!

– Ладно, живи как хочешь, – объявил он в конечном счете.

И его отпрыск, в полном восхищении, продолжал демонстрировать шлюхам свои прекрасные манеры. Только позже, встретив Мари-Лор, он почувствовал себя несчастным – влюбленным и несчастным, – более озабоченным чужой, а не своей собственной жизнью, но не таким уж несчастным оттого, что не разделял жизнь предмета своей любви.

Эта любовь была не так уж важна для Мари-Лор, разве что в той части, что касалась ее самой. А ведь ее собственные родители – Квентин и Фанни Кроули – всю жизнь любили друг друга, показывая дочери пример идеальной близости, страсти и нежности. Тем не менее Мари-Лор явно презирала

их за это. Да и сами они как будто инстинктивно сторонились дочери, более того – побаивались ее.

Гибель Квентина в авиакатастрофе привела Фанни Кроули в полное отчаяние. Она исчезла с глаз окружающих, с ее лица исчезла улыбка, из голоса исчезла радость, и вся жизнь исчезла из нее самой. Недостаток денег заставил бедняжку искать работу, и она нашла ее – с помощью друзей – в доме высокой моды, где мало-помалу врожденная мягкость, любезность и внимание к людям обеспечили ей достаточно надежное положение, чтобы прокормить их с дочерью. Однако Мари-Лор этого было мало, и Людовик сразу стал ей интересен.

Если сам он не уловил связи между этими двумя событиями – смертью одного мужчины и интересом к другому, – то лишь потому, что не пожелал этим озадачиваться; даже Фанни и та отвела глаза, когда он попросил руки ее дочери; даже его друзья тут же заговорили о другом, поздравив его так небрежно, словно он собрался куда-нибудь уезжать – например, в Африку, на военную службу. Словно ему оставалось лишь очнуться и отменить свое решение. Людовик ясно это почувствовал, но не стал вникать в их резоны, ибо он обезумел от любви. А Мари-Лор в этот момент хватило ума или рассудочности, чтобы удержать своего воздыхателя, проявить к нему внимание и сделать так, чтобы никакая другая девушка, никакая другая женщина не завладела

нежным, чувствительным, богатым бездельником Людовиком Крессоном. Впрочем, тот, изголодавшись по родительской любви в детстве, а по женской – в отрочестве, на самом деле был легкой добычей; он грезил о любви, как нелепый Тристан былых веков.

Однако это безоглядное чувство, которое обеспечивало ему успех у большинства друзей, обеспечило ему же полное и решительное презрение Мари-Лор. Она смотрела на жизнь как на борьбу. Одному из них надлежало взять в их семье бразды правления, и это будет Мари-Лор, только она одна. Физическая любовь вызывала у нее брезгливость, скуку и боязнь, хотя идеальный любовник, каким был Людовик, демонстрировал чудеса пылкости, терпения и нежности, мечтая о том, чтобы создать с Мари-Лор супружескую пару, подобную ее родителям, – пару, где один опирался на другого, пару, состоявшую из двух половинок, как яблоко Платона [3], но навеки слитых воедино.

---

[3] Древнегреческий философ Платон в диалоге о любви «Пир» словами комического поэта Аристофана ввел в нашу жизнь понятие о двух половинках яблока. Согласно Аристофану, некогда люди состояли из двух половинок – мужской и женской, звались они андрогинами, или «мужеженами», и обладали огромной силой. Но, возгордившись, они решили покорить Олимп, за что навлекли на себя гнев Зевса, который приказал своему сыну Гефесту разрубить их на две половинки. С тех пор эти половинки разыскивают друг друга.

2

Лестница зазвенела под четкими, размеренными шагами: одна ступенька – так! Две ступеньки – так-так! Площадка – так-так-так-так! – Казалось, сама юность шествует под мерное насвистывание (хорошего вкуса, ибо это была мелодия Фреда Астора[4]). Следующие два марша – и юность набрала еще лет тридцать, приняв облик Филиппа Лебаля, очаровательного брата Сандры, который после долгой карьеры обольстителя и тунеядца все чаще и чаще наведывался к своему зятю Анри, – Филиппа Лебаля, который всегда ненавидел деревню, но вот уже лет пять как держал это мнение при себе.

Это был красавец-мужчина или, по крайней мере, бывший красавец, о чем он всегда думал либо с гордостью, либо с горечью, смотря по обстоятельствам. Высокий, стройный, аристократичный и мужественный, он недавно по милости судьбы лишился своих усиков à la Эррол Флинн[5], которые вылезли сами собой, избавив своего владельца от этого давно уже немодного украшения, но оставив ему привычку небрежно поглаживать то место, где они некогда произ-

---

[4] *Фред Астор* (1899–1987) – американский актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино.

[5] *Эррол Флинн* (1909–1959) – знаменитый голливудский актер австралийского происхождения, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х гг.

растали. К двадцати двум годам Филипп Лебаль – красивый, богатый, хорошо воспитанный, претенциозный – уже вполне освоился в тех кругах общества, куда открывают доступ мужчинам его типа соблазненные ими глупые женщины из «*Jet People*»[6]. Он промотал свое наследство, ни с кем не поделившись; научился обольщать женщин, ни одну из них не полюбив, и годами повсюду жил гостем, не видя ничего, кроме пальм, дворцов и лыжных курортов. Но в последние пять с лишним лет Филипп словно проделывал свой путь прожигателя жизни в обратном направлении и теперь, появляясь всюду как подарок судьбы, каковым считал себя, довольно быстро осознавал, что превратился в грустное воспоминание о былом. Тем не менее сейчас он был здесь, величественный и улыбающийся, словно позировал невидимому фотографу, как на том снимке, что сопровождал его из дома в дом, от зеркала к зеркалу; снимок когда-то был сделан в Голливуде: Филипп с гордым видом стоял между Джоном Уэйном и Марлен Дитрих. Этот фотопортрет был, вероятно, самым драгоценным его достоянием, если не считать нескольких золотых часов и коллекции индийских шейных платков, сколь очаровательных, столь же изношенных.

– В семье! Наконец-то я в кругу семьи! – воскликнул он, открывая объятия Сандре и Людовику.

И он бросил на этого последнего любящий, но вместе с

---

[6] «*Jet People*» – американский глянцевый журнал, посвященный светской жизни и знаменитым людям, основан в 1951 г.

тем опасливый взгляд. Безумие названого родственника ничуть не стесняло его, но было признанным фактом, – так ему объяснила сестра, хозяйка дома.

– Да ты совсем молодцом, Людовик! – объявил он полувосхищенно, полуудивленно. Людовик ответил ему усталой улыбкой.

– Спасибо, – сказал он.

– Я просто счастлив тебя видеть!

На что Сандра тут же отозвалась возгласом, обращенным к брату:

– До чего ж ты красивый!

И хотя красота Филиппа – единственное его богатство – блекла с каждым его новым визитом, сестра не могла не упомянуть о ней.

– А, вот и вы наконец, – добавила она, увидев Мари-Лор, которая грациозно спускалась со второго этажа по лестнице, все в том же платье, что и днем, но украшенном к вечеру брошкой; Людовик что-то не помнил, покупал ли он ее, да и вряд ли он был способен подолгу задерживаться на какой-нибудь мысли.

А Филипп бегло взглянул на драгоценное украшение своей названой племянницы, потом на Людовика и, увидев два безразличных лица, ограничился улыбкой.

Всех взбудоражило появление Анри Крессона.

– Сандра, дорогая, вас не затруднит, если мы сегодня поужинаем чуть раньше? Потому что, во-первых, я устал и про-

голодался, а во-вторых, мне обязательно нужно посмотреть теледебаты между двумя типами: один – профсоюзный деятель, другой из объединения предпринимателей, – похоже, там обстановка накаляется, – объявил он с саркастической усмешкой, неизменно сопровождавшей его разговоры о политике.

– Ну разумеется, разумеется, все уже готово. Давайте сейчас же сядем за стол, и Мартен начнет подавать.

* * *

Хаос, царивший в гостиной, ничуть не смущал хозяина дома, но он категорически отказывался преодолевать различные препятствия, чтобы достичь своей цели – кабинета, расположенного в дальнем конце помещения. И потому потребовал, чтобы для него – лично для него! – расчистили нечто вроде коридора – узенького прохода, освобожденного от всякой мебели и прочего хлама; в противном случае любая вещь, попавшаяся ему под ноги, тут же отшвыривалась прочь мощным пинком, так что какой-нибудь марокканский пуфик вполне мог приземлиться на готический сундук.

В данном случае целью хозяина дома была столовая – комната с кабельным телевидением и чем-то вроде невысокой эстрады, где располагались накрытый скатертью стол с пятью приборами и пять кожаных кресел, одно из которых он разворачивал на сто восемьдесят градусов, спиной к камину,

чтобы в одиночку наслаждаться передачами по телевизору, втиснутому в угол рядом с французским окном, в паре метров от стола. В других случаях Анри Крессон сидел, как полагается, лицом к своим домочадцам, например за ужином, после которого со стола снимали скатерть и ставили факс, а также прочие принадлежности, необходимые деловому человеку, будь он даже провинциалом.

Итак, Анри преодолел решительным шагом все восемь метров, отделявших его от скромного «салона-кабинета», швырнул салфетку на соседнее кресло и уселся в свое. Эту столовую он задумал и обставил сам лично. Двое мужчин сидели напротив него, а дамы – по бокам. По окончании трапезы он мог развернуть кресло и спокойно посмотреть передачу по *своему* телевизору: только об этом он и мечтал. И разумеется, программа, которую выбирал Анри, никогда не интересовала остальных домочадцев. Он стремился к мысленному уединению, вознаграждавшему его за все неизбежные глупости, которых наслушался от них за ужином. Тем самым ужином, во время которого патриарх Крессон иногда с философским смирением констатировал, что его сын, вероятно, полоумный, невестка – безмозглая светская курица, жена – глупа и некрасива, а зять – кретин и прихлебатель! Но он спокойно нес это бремя, лишь время от времени внезапно впадая в неудержимую ярость.

Все быстро заняли свои места, что не помешало некото-

рым проделать это довольно грациозно – в частности, Мари-Лор, демонстрировавшей новую брошь, которую ее свекор даже не заметил. А Сандра, едва усевшись, вошла в любимую роль – замужняя американка из плохих фильмов:

– О боже, бедный мой, дорогой муженек, вы и вправду, должно быть, смертельно устали! Трудно даже представить, как утомительно для мужчины провести целый день лицом к лицу с этими ужасными акулами бизнеса, а потом вдруг приехать домой и оказаться в лоне такой семьи, как наша! Это поистине тяжкое испытание! Есть от чего умаяться!

И она послала нежную улыбку своему благоверному, который, не отрывая глаз от тарелки с наконец-то поданным неизбежным овощным супом, буркнул:

– Я провел день не с ужасными акулами бизнеса, дорогая Сандра, а с ленивыми дураками. Так что ты попала пальцем в небо. Но в остальном ты права: иметь дом, где можно передохнуть после всех этих расчетов, очень даже приятно.

Мари-Лор тут же укоризненно воскликнула звонким голоском, состроив умильную гримаску в духе сусальных картинок:

– Дорогая Сандра, именно это и называется отдыхом воина!

Ее озорное замечание позабавило Филиппа, который поспешил скрыть усмешку, наклонившись к тарелке, польстило Сандре, которая залилась румянцем, похвалив себя за то, что она не усидела в своей комнате и вышла к ужину, и, как

всегда, оставило безразличным Людовика.

А Мари-Лор, слегка побледнев, храбро выдержала внезапно оледеневший взгляд свекра.

– Вы не представляете, кого я недавно случайно встретила на улице! – воскликнула Сандра, почуяв грозу в воздухе, хотя и не поняла ее причин. – Я встретила нашу *королеву Франции!*

Настала тишина, затем ошеломленный Анри, для которого безумное заявление Сандры оказалось слишком уж неожиданным, попросил ее повторить.

– Да-да, я недавно встретила «королеву» на улице в Туре. Вам же известно, что госпожа де Буайё принадлежала к семейству Валуа[7]. Но в какой-то момент явились Бурбоны и стали раздавать все знатные титулы невесть кому. Так вот, госпожа де Буайё была наследницей по прямой линии графа… не упомню его имени, знаю только, что он мог довольно быстро достичь трона. Словом, если бы не эта история с Бурбонами, она стала бы подлинной наследницей и супругой монарха…

Побагровевшая Сандра бестолково жестикулировала, – казалось, она утратила нить собственных рассуждений.

– Наверно, там были еще и другие обстоятельства, кроме коварства Бурбонов? – с усмешкой воскликнул Филипп. – Мне доподлинно известно, что ты умеешь делать реверанс

---

[7] Представители династии Валуа царствовали во Франции с 1328 по 1589 г., затем их сменили Бурбоны (1589–1792, 1814–1830).

королеве, ты ведь упражнялась в этом еще в подростковом возрасте, но все же уверяю тебя, что там наверняка были и другие препятствия.

– И слава богу! – воскликнул Анри, дожевывая хлеб; ему уже опостылела эта семейка. – Разумеется, там были и другие препятствия. Вы только представьте себе эту дамочку… как там ее? Сандра, как вы ее назвали-то? Да на нее с какой стороны ни посмотри, сразу видно, что полное ничтожество! И вы хотели навязать *такое* всем французам, у которых есть телевизор?!

– Ну и что тут такого? – пробормотала его супруга, пожимая плечами. – Случай – он и есть случай. Почему бы и нет? Чем она хуже нынешней графини Парижской?[8] Очень даже забавно было бы, если бы в нашем окружении оказалась французская королева.

– Вообще-то, этому вполне могла помешать Великая французская революция, – неожиданно вмешался Людовик.

Заметив удивленные взгляды остальных, он осекся и, прикрыв лицо рукой, словно для защиты, объяснил:

– Это я так, к слову…

Наступило тягостное молчание – все судорожно, но безуспешно искали тему для продолжения разговора.

– Ну а ты как, Людовик, – гулял сегодня? – спросил наконец Анри Крессон у сына, который вздрогнул от неожидан-

---

[8] Имеются в виду т. н. графы Парижские – представители Орлеанского королевского дома, претенденты на французский престол.

ности.

– Да, отец… я даже прошел до болот. До старых Карувских болот – вы их, наверно, помните? Чудесная прогулка.

– В дневное время он всегда где-то пропадает, – вполголоса прокомментировала Сандра и, пожав плечами, громко заключила: – Да и что с него взять – ни мозгов, ни памяти.

– Все лучше, чем ездить в Тур и напиваться там в компании с придурками, – проворчал Анри Крессон с легкой усмешкой, адресованной сыну, – к несчастью, тот ее не заметил, он уже снова впал в свое обычное отрешенное состояние, из которого вышел, только услышав собственное имя.

– Ну-с, а вы, мадам, небось провели весь день в постели, названивая приятельницам и изображая больную? – грубо спросил Анри у жены. – Здесь у нас один только Людовик хоть чем-то занят.

– Увы, боюсь, что он не видел ни одного уголка ваших владений, – возразил Филипп. – Не знаю, что он может там делать, – разве что его где-нибудь ждет смазливая пастушка…

– Пастушки здесь давно повывелись, – злобно прервал его Анри Крессон. – Иначе в тех местах гулял бы не только он. А вот вы, Мари-Лор, почему вы не сопровождаете мужа на прогулках? Я никогда не вижу вас вместе.

– Признаться, я не люблю прогулки.

– И кажется, еще ни разу не составили ему компанию за этот месяц, со дня его возвращения домой? – едко осведомился Анри.

– За месяц и две недели, – бесстрашно поправила его Мари-Лор. – Я покинула Париж седьмого июля и уехала из Приморских Альп, чтобы встретиться с вами, – с тех пор прошло ровно сорок семь дней.

Ее горький тон так ясно подчеркивал всю невыносимую тяжесть, всю муку этих сорока семи дней, что в салоне снова нависла неловкая тишина. Однако Сандра, как опытная хозяйка дома, еще раз попыталась вернуть беседу в мирное русло.

– А я вот о чем думаю, – сказала она, – мы обязательно должны разослать приглашения на бал, – я имею в виду, по случаю возвращения блудного сына, помните?.. Ну как же, мы ведь решили, что устроим прием в конце сентября, и даже дату назначили, вот только я забыла какую. О господи, что у меня с головой! – добавила она, тряся означенной головой и отказавшись на мгновение от своей гордой осанки.

* * *

Вторая мадам Крессон с давних пор старалась высоко держать голову, дабы подчеркнуть свои прерогативы и свое кокетство. «Что для женщины самое главное? – восклицала она (увы, все чаще и чаще, ибо у нее больше не осталось никаких выдающихся качеств, если не считать лишних двадцати килограммов). – Главное – осанка, достоинство, высоко подня-

тая голова, словом, нечто незыблемое, перед чем будет преклоняться весь свет! Вот наше оружие и одновременно наша защита, уж поверьте мне!»

Однажды Анри, не выдержав, заметил ей, что важнее всего не держать голову высоко, а сделать так, чтобы в этой голове хоть что-нибудь было.

– Иначе, – добавил он, – похваляться высоко поднятой головой – все равно что трясти погремушку.

– Говори что хочешь, Анри, но шея, плечи и затылок женщины непреложно свидетельствуют о ее образованности и достоинстве.

На что ее супруг ответил, пожав могучими плечами:

– Каждый гордится чем может.

– Итак, завтра же беремся за дело, не правда ли, Мари-Лор? Нужно будет написать не менее трехсот приглашений. Не знаю, отдаете ли вы себе отчет…

– И не забудьте пастушек, – съязвил Филипп. – Их обязательно нужно пригласить.

Он пытался развеселить сотрапезников, но атмосфера явно была слишком натянутой.

– Вы полагаете, что он их пригласил бы, если бы встретил? – саркастически спросила Мари-Лор. – Благодарите Бога, если он не утопит их в болоте…

И она умолкла, приняв вид покорной мученицы.

Со времени несчастного случая в доме Крессонов пере-

стали называть Людовика по имени, – в их понимании, настоящий Людовик был мертв. О нем говорили «он» и обсуждали все, что имело к нему отношение, так, словно его здесь не было. Впрочем, и сам Людовик при этом, как правило, рассеянно смотрел в окно, озирая сельский пейзаж.

Анри Крессон взглянул на Мари-Лор и вдруг спросил ее елейным тоном:

– Дорогая Мари-Лор, вы так привержены точности; не скажете ли мне, который час?

– Почти восемь часов двадцать минут, – ответила та, не поднимая глаз на свекра.

– Очень-очень вам благодарен, – сказал Анри Крессон. – Надеюсь, вы меня извините, я непременно должен посмотреть дебаты и ни в коем случае не могу их пропустить. Спасибо всем, поговорим позже.

* * *

С этими словами он бесцеремонно развернул свое кресло спиной к сотрапезникам, которые так и застыли над десертом, с ложками в руках, взял пульт и включил телевизор. После короткой рекламы и метеосводки объявили наконец нужную ему передачу.

Поскольку у остальных домочадцев был свой телевизор – на полдороге между марокканской и финской гостиными,

все они разместились перед ним на китайском диване. Выбирать им, как и всем остальным французам, было особенно не из чего, и они смотрели душещипательный американский сериал, обожаемый всеми зрителями, которые уже знали его наизусть; сегодня шла заключительная, десятая серия. По правде говоря, Филипп не меньше обеих дам интересовался любовными похождениями блестящих дельцов, их метаниями между амбициозными супругами-фуриями и дегенеративными отпрысками. Что касается Людовика, то он, начав смотреть одну из первых серий, почти сразу заснул, ко всеобщему разочарованию. Сегодня он тем не менее сел на диван и с притворным интересом воззрился на маленький черный ящик. После десятиминутного рекламного блока и заглавных титров сериала, идущих под прекрасную трагическую музыку, все стали увлеченно следить за развитием сюжета.

Что касается Анри Крессона, он наблюдал на своем экране за схваткой профсоюзных лидеров с предпринимателями, уже слегка позевывая. Американский сериал, слава богу, завершился благополучно, – да и как могло быть иначе, когда над ним рыдала вся Франция?! Самые «волнительные» эпизоды заставили всплакнуть обеих женщин, и только Филипп сдержал эмоции в присутствии зятя, который уж наверняка стал бы насмехаться над ним все две недели его пребывания. Приняв безразличный вид, он подмигнул Людовику, кото-

рый послушно, как примерный ребенок, смотрел эту серию, и только торжественная мелодия, знаменующая развязку, казалось, вернула ему способность говорить и двигаться.

Что касается Анри, то он следил, как оба лидера прощаются на экране, уже не заботясь о протоколе: близились выборы – и политикам было недосуг выяснять кто, что и почему.

Внезапное завершение их дебатов заставило его встрепенуться; лишь тогда он обернулся к обыкновенным человеческим существам, с которыми так давно жил бок о бок, пусть и вопреки своему желанию.

– Ну надо же, одна дурацкая болтовня, и ничего больше! Пара идиотов! Ах, бедная Франция! – воскликнул он не без тайного удовлетворения, ибо как раз накануне провернул крайне удачную операцию на бирже.

Увы, он мог похвастаться этим лишь секретарю, который буквально стелился перед своим патроном.

Но уж точно не своим домочадцам. Поэтому, резко встав с кресла, сказал:

– Во всяком случае, надеюсь, что их болтовня не помешала вам, – тут он слегка запнулся, так как бурчание в его собственном животе разносилось по всем четырем гостиным, – оценить эти американские сладкие слюни. – И добавил: – Желаю всем приятного вечера.

После чего так же резко вернул на место спущенные подтяжки, пнул угодившую ему под ноги кхмерскую статуэтку,

которая после короткого полета плюхнулась на марокканский пуфик, и исчез, скорее всего намереваясь прогуляться по парку.

А там и в самом деле стоял чудесный, теплый осенний вечер. Людовик, вероятно, составил бы отцу компанию, но телезрители пожелали выразить вслух свое отношение – сочувствие или страстную любовь – к трем героям фильма.

Дамы обменялись отзывами – разнообразными, прочувствованными и утонченными – об этом великолепном сериале (ах, только американцы умеют сочетать эти сцены патриархальной жизни *settlements*[9] со своими прославленными технологиями!), расхвалили широту взглядов, сердечность и интеллигентность персонажей, а Сандра даже попыталась воспроизвести последнюю реплику одной из героинь: «*Yes, my dear* миссис Скотт, вы его любили, но не так сильно, чтобы умереть от этой любви, ибо любовь иногда может нанести смертельную рану и уйти!» Эти слова, произнесенные чернокожей кормилицей героини, Сандра повторила, подражая певучему акценту «добрых негров» благообразного вида, каких частенько можно было увидеть в фильмах того времени, притом повторила с акцентом, совершенно неожиданным для владелицы Крессонады. Певучие интонации американского Юга вызвали у ее брата Филиппа такой неудержимый хохот, что он поспешил укрыться в своей комнате. А обе

---

[9] Поселки, глубинка *(англ.)*.

женщины продолжали представлять себе, как они сами могли бы повести себя в той или иной ситуации («Да-да, признайтесь, что могли бы!..»). Заметив ноги своего пасынка, свисавшие с дивана – не то мексиканского, не то бедуинского, – Сандра задала ему вопрос, в котором прозвучала нотка жалости:

– Ну, Людовик, а вам понравилось?

– Я не все посмотрел, – признался тот, – но диалоги, которые я слышал вначале, показались мне слегка… э-э-э… тяжеловатыми.

– Ну ясно, чего же еще от него ждать! – объявила Мари-Лор разочарованной свекрови. – Людовик за всю свою жизнь не посмотрел и пяти фильмов и наверняка не прочел и десятка книг. И уж конечно, не любовался ни одной картиной.

Ее муж не обратил внимания на презрительный тон обеих женщин и спокойно, с мягкой, беззаботной улыбкой возразил, что всегда любил поэзию, прочел много стихов, и, не обращая внимания на их недоверчивые лица, вдруг продекламировал:

– Не выразишь бесстрастным взглядом
Ни радость, ни печаль.
В твоих глазах сверкают рядом
И золото, и сталь[10].

---

[10] Отрывок из стихотворения Шарля Бодлера «Танцующая змея» (Цветы зла,

– Вы даже в поэзии ухитряетесь раскопать что-нибудь обидное для женщин, – объявила Мари-Лор. – Бедный Верлен!

– По-моему, это Бодлер, – кротко поправил Людовик, чем окончательно вывел из себя Мари-Лор, пристыженную своим промахом, тогда как она уже собиралась праздновать победу.

– Проверьте завтра по словарю, – бросила она с усмешкой.

Потом взяла под руку свекровь (неспособную различить этих двух поэтов), и та, уставшая от переживаний во время сериала, тяжело оперлась на нее, чтобы подняться по лестнице. Так, вдвоем, они и взобрались наверх, точно пара горных коз; Мари-Лор шла, гневно вскинув голову, – злость всегда удваивала ее силы.

* * *

В комнате все лампы, как и телевизор, были уже выключены заботливым дворецким. Только одна из них осталась гореть в уродливом салоне – она освещала лестницу, ведущую наверх. Эта электрическая искорка в мешанине эпох, объединенных лишь одним – откровенным уродством, хотя бы не резала глаз. Анри Крессон, раз и навсегда подчинив свой дом незыблемым буржуазным правилам, больше не прика-

---

1857, XXVIII) в переводе Ирис Виртуалис (Ирины Бараль).

сался к выключателям. И только время от времени приказывал сменить сорокаваттные лампочки, предпочитаемые Сандрой, на двухсотваттные: тусклое освещение – идея жены – наводило на него тоску. Поэтому он категорически запретил использовать где бы то ни было в доме лампы слабее восьмидесяти ватт.

Сандра, так же как и Анри, помнила, что оставлять включенные лампы, работающие телевизоры и прочие чудеса техники никак нельзя – это могло обойтись слишком дорого, – но все-таки не могла же она подниматься по лестнице в темноте: клиника обошлась бы куда дороже, чем лампочка. Поэтому она только крикнула Людовику, оставшемуся внизу, в одиночестве:

– Будешь уходить – не забудь погасить свет!

Последнее слово привязанности и нежности любящей мачехи.

* * *

Спальня Людовика и Мари-Лор походила на комнату новобрачных или, как в их случае, новобрачных, потерпевших аварию. Это была просторная комната, окнами на задний двор и с видом на холмы; спустившись на несколько ступенек, можно было попасть в небольшой кабинет с диваном, на котором молодые супруги, как предполагалось, могли отдыхать или читать в перерывах между прочими утехами.

Разумеется, Людовик, этот призрак, чудом избежавший гибели, а ныне семейный дурачок, должен был проводить ночи любви с женой, однако узкое ложе, цветок в горшке и несколько книг, которые украшали этот уединенный закуток, были ему сейчас куда нужнее.

Широкая застекленная дверь этой комнатки, выходившая на террасу, была открыта. Людовик вошел через нее, быстро разделся и облачился в пижаму с нелепым рисунком, подходившим скорее для младенца, – казалось, это его не смущало. Включив две маленькие лампочки в изголовье своего ложа, он начал подниматься по лесенке, соединявшей обе комнаты.

– Мари-Лор… Мари-Лор… – тихо позвал он.

Его жена рывком открыла дверь:

– Что вам угодно?

Ее голос отдался громким эхом на лестнице, вылетел через дверь на террасу, во двор, и боязнь скандала тотчас заставила молодую женщину понизить голос. Она повторила – теперь уже свистящим шепотом, сквозь зубы, но еще более злобно:

– Что вам угодно? Чего вы от меня хотите?

– Я хочу быть с вами, – ответил Людовик, медленно, с изысканной вежливостью подбирая слова. – Хотел бы снова быть с вами.

– Никогда! Я уже вам говорила и повторяю: никогда! – отрезала Мари-Лор и смолкла.

Она сошла вниз на одну ступеньку и теперь нависала над Людовиком, обратив к нему лицо, до того искаженное брезгливой ненавистью, что теперь трудно было определить ее возраст.

Облаченная в длинный вечерний халат-кимоно с широкими рукавами, обнажавшими ее хрупкие руки с накрашенными ногтями, Мари-Лор так судорожно сжимала перила, словно еле сдерживалась, чтобы не задушить мужа; сейчас она вдруг стала похожа на тех огромных летучих мышей, и завораживающих и зловещих, какие пугают детей в зоопарках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.